

Дьякова Вера Валерьевна
Астраханский государственный технический университет,
г. Астрахань, Российская Федерация
vvdyakova@yandex.ru

Укорененность в контексте анализа региональной идентичности⁴¹⁰

Аннотация. Статья посвящена анализу региональной идентичности и укорененности, как её составляющей. Основным источником эмпирических данных стал массовый опрос, проведенный по репрезентативной выборке в Астраханской области. Анализ региональной идентичности проводился по показателям «Я-идентичности», транслирования идентификационных стратегий своим детям, оценки ситуации в регионе в сравнении с другими субъектами РФ, отношение к перспективе сменить место жительства; укорененности – показатели длительного проживания личности в регионе и поколенческой связи с ним.

Ключевые слова: укорененность; региональная идентичность; регион; Я-идентичность

Diakova Vera Valer'evna
Astrakhan State Technical University,
Astrakhan, Russian Federation
vvdyakova@yandex.ru

Rootness in the context of analysis of regional identity⁴¹¹

Abstract. The article is devoted to the analysis of regional identity and rootedness as its component. The main source of empirical data was a mass survey conducted on a representative sample in the Astrakhan region. The analysis of regional identity was carried out by indicators of "I-identity", broadcasting identification strategies to their children, assessing the situation in the region in comparison with other subjects of the Russian Federation, attitude to the prospect of changing their place of residence; rootedness – long-term residence of the individual in the region and generational connection with it.

Keywords: rootedness; regional identity; region; I-identity

Региональная идентичность, её структура, виды, факторы и особенности функционирования являются актуальной темой междисциплинарных и узкодисциплинарных исследований, в том числе и в рамках социологического знания. Среди зарубежных работ следует отметить труды Дж. Коба [Cobb, 1994], Р. Далримпла [Dalrymple, 2018], М. Антониша [Antonsich, 2010], А. Пааси [Paasi, 2003], Г. Раагма [Raagmaa, 2003] и других.

В отечественной социологии, несмотря на обилие работ, посвященных анализу региональной идентичности (например, Е. В. Ереминой [Еремина,

⁴¹⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00479.

⁴¹¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00479.

2011], Г. С. Корепанова [Корепанов, 2009], Т. Н. Кувенева, А. Г. Манакова [Кувенева, Манаков, 2003]), в настоящее время отсутствует единый подход к определению данной категории. Однако большинство исследователей рассматривают данный феномен как осознаваемые и переживаемые ценности и смыслы конкретной локальной общности, формирующие самосознание группы или индивида.

Категория «укорененность» также входит в исследовательское поле многих наук, в том числе в рамках изучения региона и региональной идентичности. По мнению М. П. Крылова, «укорененность предпочтительна для саморазвития региона как целостности, для реализации национальных интересов через территорию и через совокупность интересов» [Крылов, 2010: 28]. В контексте социологического анализа региональной идентичности укорененность часто рассматривают как её компонент [Заусаев, 2015; Маркин, 2008; Лункин, 2008].

В данной статье будут освещены результаты опроса, проведенного в Астраханской области в 2020 году (N=673, метод – анкетирование). Этот субъект РФ является приграничным, многонациональным, поликонфессиональным, имеет свою многовековую историю, традиции и обычаи. Согласно исследованиям Р. Ф. Туровского, проведенного в 1980–1990-х годах, – для этого южного региона была характерна высокая степень укорененности населения (около 90 %) [Туровский, 1999]. По данным Всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г., этот показатель снижается – 64 % и 52 %, соответственно.

В качестве методологической основы для анализа укорененности была использована концепция И. В. Задорина, подразумевающая анализ таких характеристик как длительное проживание личности в регионе и поколенческая связь с ним, то есть проживание в регионе предыдущих поколений семьи [Задорин, 2018]; для анализа идентичности – работы Л. М. Дробижевой [Дробижева, 2014], Т. З. Козловой [Козлова, 1995], Г. С. Корепанова [Корепанов, 2009] и других.

Среди основных показателей, по которым проводился анализ полученных данных, были ответы на вопросы о том, родился ли респондент в регионе и жили ли его предки на данной территории, то есть о личностной и групповой (семейной) укорененности. 74,3 % опрошенных родились в Астраханской области, а 25,7 % – переехали. У 80 % респондентов в этом Каспийском регионе долгое время жили предки – родители, бабушки-дедушки, другие старшие родственники, у 20 % – нет.

Большинство жителей Астраханской области отождествляют себя по государственно-гражданскому признаку, далее по степени востребованности следует региональная идентичность (см. Табл. 1). Стоит отметить, что это соотношение в последние десятилетия изменилось, в 1999 году доминировал региональный компонент (58 %), в то время как только 12 % отождествляли с государством. В 2005 году превалирует уже общегражданский компонент (45 %), а не местный (28 %). По результатам исследования в 2014 году, распределение ответов на вопрос об

идентичностях было следующим: 54,4 % выбрали вариант «Я – россиянин», 20,7 % – «Я – астраханец» [Дьякова, 2017: 84]. Такую динамику идентификационных стратегий жителей Астраханской области можно объяснить, с одной стороны, изменением состава жителей населения – большим количеством приезжих, о чем подробно уже упоминалось выше; с другой, общероссийскими тенденциями, связанными с изменениями в государстве, укреплением федеральной власти, превалированием общегражданского самоотождествления у населения страны в целом [Дробижева, 2014].

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как вы могли бы назвать себя, в первую очередь?», в % от опрошенных⁴¹².

Варианты ответа	По массиву в целом	Скажите, пожалуйста, Вы родились в Астраханской области или переехали сюда?		Жили ли в Астраханской области Ваши предки – родители, бабушки-дедушки, другие старшие родственники?	
		Родился в регионе	Приехал в регион	Да, жили	Нет, не жили
Я – россиянин	54,3	52,0	59,4	50,9	66,7
Я – астраханец	12,1	15,3	3,1	15,2	1,0

В соответствии с результатами двумерного распределения по вопросам об укорененности и идентичности (см. Табл. 1) можно сделать следующие выводы. Во-первых, для каждого второго коренного жителя наиболее предпочтительной является государственно-гражданская идентичность. Во-вторых, для приезжих не характерно локальное самоотождествление. В-третьих, подавляющее большинство тех, кто не имеет семейной укорененности, идентифицируют себя как «Я – россиянин»; среди тех, у кого отсутствует личностная укорененность, этот показатель несколько ниже (66,7 % против 59,4 %, соответственно).

При транслировании идентификационных ориентаций своим детям (см. Табл. 2) большинство респондентов отдают предпочтение общероссийской стратегии. Причем это характерно больше для коренных жителей, чем для приезжих. Причем, среди местных процент тех, кто считает, что их дети отождествляют себя с регионом больше, чем тех, кто сам называет себя россиянином в первую очередь. У приезжих обратная ситуация. Кроме того, среди тех, кто приехал в регион и у кого отсутствует семейная укорененность, процент тех, у кого дети, по их мнению, в первую очередь, идентифицируют себя как «Я – астраханец», в четыре раза больше, чем тех, кто сам себя относит к этой идентификационной группе.

⁴¹² В рамках предпринятого анализа исследовательское внимание сосредоточено на двух типах территориальной идентичности – государственной и региональной, поэтому в данной публикации, в таблицах 1 и 2 данные представлены только по двум вариантам ответов на вопрос.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «А как называют себя, в первую очередь, ваши дети?», в % от опрошенных

Варианты ответа	По массиву в целом	Скажите, пожалуйста, Вы родились в Астраханской области или переехали сюда?		Жили ли в Астраханской области Ваши предки – родители, бабушки-дедушки, другие старшие родственники?	
		Родился в регионе	Приехал в регион	Да, жили	Нет, не жили
Я – россиянин	54,1	60,8	41,9	54,0	56,5
Я – астраханец	11,3	11,4	12,9	13,5	4,3

Региональная идентичность подразумевает осмысление региона посредством дихотомии «мы – они», то есть через сопоставление с «образом Другого» в рамках уровня «мой регион – другие регионы». На вопрос об оценке ситуации в Астраханской области в сравнении с другими регионами (см. Табл. 3) большинство опрошенных затруднились ответить. Это, главным образом, характерно для коренных жителей, чем для приезжих. Такие результаты можно объяснить довольно низким опытом путешествий, выезда за пределы региона у местных жителей. Так, респонденты уточняли: «долго не жил в другом месте», «нигде не был», «был только на отдыхе, не долго, не знаю, как живут люди в других регионах» и т.д. М. П. Крылов выдвигает «принцип дополнительности культуры мобильности и культуры укорененности», подчеркивая значимость развитой пространственной рефлексии для регионального самоотождествления [Крылов, 2010: 28].

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как вы оцениваете ситуацию в Астраханской области?», в % от опрошенных

Варианты ответа	По массиву в целом	Скажите, пожалуйста, Вы родились в Астраханской области или переехали сюда?		Жили ли в Астраханской области Ваши предки – родители, бабушки-дедушки, другие старшие родственники?	
		Родился в регионе	Приехал в регион	Да, жили	Нет, не жили
Лучше, чем в других регионах России	4,3	5,1	3,1	3,6	7,4
Такая же хорошая, как в других регионах России	15,7	13,3	25,0	12,5	29,6
Такая же плохая, как в других регионах России	27,1	25,5	25,0	26,8	29,6
Хуже, чем в других регионах России	22,1	21,4	25,0	23,2	14,8
Затрудняюсь ответить	30,7	34,7	21,9	33,9	18,5

Самым популярной оценкой у респондентов (см. Табл. 3) является «такая же плохая, как в других регионах России». Процент тех, кто негативно оценивают ситуацию в регионе (сумма по вариантам «такая же плохая, как в других регионах России» и «хуже, чем в других регионах России»), примерно одинаков как у коренных жителей, так и у приезжих. В то же время среди позитивно оценивающих ситуацию в регионе в сравнении с другими субъектами РФ (сумма по вариантам «лучше, чем в других регионах России» и «такая же хорошая, как в других регионах России») больше тех, кто переехал в этот регион, чем тех, кто в нем родился (28,1 % против 18,4 %); а тех, у кого родственники не жили в Астраханской области, два раза больше, чем тех, у кого есть семейная укорененность (37,0 % против 16,1 %).

Отношение к перспективе сменить место жительства – один из важных показателей восприятия своего региона, отсутствия или наличия ощущения связи с ним и местными жителями (см. Табл. 4). Большинство респондентов хотели бы остаться жить в регионе, причем процент среди местных и приезжих примерно одинаков. Стоит заметить, что среди приезжих в два раза больше тех, кто готов переехать в другой населенный пункт в пределах региона. Другой популярный ответ связан со сменой места жительства в другой регион. В данном случае к таким переменам готовы каждый третий коренной житель и каждый второй приезжий. Основные направления переезда примерно одинаковые для всех респондентов: Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Краснодар. Местные жители ориентированы на переезд в другую страну гораздо больше, чем приезжие.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Если бы представилась такая возможность, хотели ли вы переехать в другой населенный пункт вашего региона, другой регион, другую страну?», в % от опрошенных

Варианты ответа	По массиву в целом	Скажите, пожалуйста, Вы родились в Астраханской области или переехали сюда?		Жили ли в Астраханской области Ваши предки – родители, бабушки-дедушки, другие старшие родственники?	
		Родился в регионе	Приехал в регион	Да, жили	Нет, не жили
Нет, не хотел бы никуда уезжать	36,4	34,7	37,5	36,6	37,0
Хотел бы переехать в другой населенный пункт в пределах региона	3,6	3,1	6,3	2,7	7,4
Хотел бы переехать в другой регион России	33,6	31,6	40,6	33,9	33,3
Хотел бы уехать за границу в другую страну	18,6	20,4	12,5	19,6	11,1
Затрудняюсь ответить	7,8	10,2	3,1	7,2	11,2

Декларируемое респондентами желание, чтобы в регионе остались жить их дети и внуки – также один из ключевых индикаторов регионального восприятия (см. Табл. 5). Большинство респондентов либо не хотят, чтобы их дети и внуки остались жить в Астраханской области, либо считают, что они сами должны принять это решение. Примерно каждый пятый опрошенный хочет, чтобы его дети и внуки жили в регионе. Для приезжих вопрос о месте жительства их будущих поколений является более важным, чем для коренных жителей (показатели по положительным и отрицательным ответам выше; распределение по ответу «мне это безразлично» 3,1 % и 8,2 %, соответственно).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы вы, чтобы ваши дети и внуки остались жить в вашем регионе?», в % от опрошенных.

Варианты ответа	По массиву в целом	Скажите, пожалуйста, Вы родились в Астраханской области или переехали сюда?		Жили ли в Астраханской области Ваши предки – родители, бабушки-дедушки, другие старшие родственники?	
		Родился в регионе	Приехал в регион	Да, жили	Нет, не жили
Да, совершенно точно хотел бы	12,1	12,2	12,5	12,5	11,1
Да, скорее хотел бы	10,0	8,2	15,6	9,8	11,1
Нет, совершенно точно не хотел бы	19,3	18,4	21,9	19,6	14,8
Нет, скорее не хотел бы	13,6	13,3	15,6	12,5	18,5
Мне это безразлично,	7,1	8,2	3,1	7,1	7,4
Пусть решают сами дети и внуки	31,4	31,6	31,3	31,3	33,3
Другое	1,4	2,0	0,0	1,8	0,0
Затрудняюсь ответить	5,1	6,1	0,0	5,4	3,8

Таким образом, укорененность является важным показателем региональной идентичности. Анализ эмпирических данных, полученных в рамках полевого исследования, проведенного в Астраханской области, позволяет сделать вывод о наличии зависимости между показателями личностной и семейной укорененности и отдельных индикаторов регионального самоотождествления – «Я-идентичности», транслирования идентификационных стратегий своим детям, оценки ситуации в регионе в сравнении с другими субъектами РФ, отношение к перспективе сменить место жительства. Полученные данные могут быть использованы для дальнейшего изучения категорий «ускоренности» и «региональной идентичности», и их взаимодействия.

Библиографический список

Дробижев Л. М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практик // Россия и мир: анатомия современных процессов. 2014. С. 130- 146.

Дьякова В. В. Гражданская идентичность поколений в современной России: социологический анализ: дисс. . к. соц. н. Астрахань, 2017. 179 с.

Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2011. № 3 (76). С. 216–222.

Задорин И. В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2018. № . 2 (89). С.102–136.

Заусаев В. К. Миграционные процессы на Дальнем Востоке: социологические оценки // Социологические исследования. 2015. № . 11. С. 73–79.

Козлова Т. З. Самоидентификация некоторых социальных групп по тесту «Кто Я» // Социологические исследования. 1995. № . 5. С. 102–110.

Корепанов Г. С. Региональная идентичность как объект социологического исследования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2009. № . 1. С. 16–23.

Корепанов Г. С. Региональная идентичность: социокультурный и социоэкономический подходы // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2009. № 3 (65). С. 276–284.

Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.

Кувенева Т. Н., Манаков А. Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77–84.

Лункин Р. Н. «Русские» регионы России: степень православности и политические ориентации // Социологические исследования. 2008. № . 4. С. 27–36.

Маркин В. В. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов // Россия реформирующаяся. 2008. № . 7. С. 229- 249.

Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. М.: Гендальф, 1999. С. 87–136.

Antonsich M. Exploring the Correspondence between Regional Forms of Governance and Regional Identity: The Case of Western Europe // European Urban and Regional Studies. 2010. Vol. 17, № 3. P. 261–276.

Cobb J. C. The Most Southern Place on Earth: The Mississippi Delta and the Roots of Regional Identity. N. Y., 1994. 391 p.

Dalrymple R. Continental Drift: Australia's Search for a Regional Identity. L., 2018. 250 p.

Paasi A. Region and Place: Regional Identity in Question // Progress in Human Geography. 2003. Vol. 27, № 4. P. 475–485.

Raagmaa G. Regional Identity in Regional Development and Planning // European Planning Studies. 2002. Vol. 10, № 1. P. 55–76.